

С.А. Крылов
АКАДЕМИК ВЯЧЕСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ ИВАНОВ:
краткий очерк научной деятельности

Впервые опубликовано: С. А. Крылов. 2007. Академик Вячеслав Всеволодович Иванов: краткий очерк научной деятельности // Вячеслав Всеволодович Иванов. Сост.: Л. Г. Невская, Е. В. Пчелов, Т. Н. Свешникова, К. Херолд. Автор вступительной статьи С. А. Крылов. (Российская Академия наук. Материалы к библиографии учёных. Издаётся с 1940 г. Литература и язык. Вып. 30). М.: Наука, 2007, с. 8-37. - 1,17 а.л.

Имя академика Вячеслава Всеволодовича Иванова широко известно во всем мире. Это фигура поистине легендарная. Пожалуй, никто из ныне живущих филологов, как отечественных, так и зарубежных, не может сравниться с ним по широте круга проблем, затронутых им в его многочисленных научных трудах, по охвату культур и по многообразию междисциплинарных связей, выявленных им в его семиотических и культурологических исследованиях.

Вячеслав Всеволодович Иванов родился 21 августа 1929 г. в Москве в семье писателя Всеволода Иванова. С детства будущий ученый, находившийся на домашнем обучении вследствие болезни ноги, много читал – это были книги по истории, географии, палеонтологии, археологии, военному делу, востоковедению, философии, эстетике, поэтике. В его духовном формировании сказались не только его феноменальная память, но и та культурная среда, в которой он вырос, особенно влияние отца – литератора, человека с широким кругом интересов, знатока поэзии и восточных культур, библиофила, всегда уделявшего большое внимание всестороннему образованию сына.

Уже в двенадцатилетнем возрасте Иванов пробует свои силы и в сфере стихотворного перевода, и в сочинении собственных поэтических текстов. Позднее он читал и показывал их Б. Л. Пастернаку (подробный критический разбор его стихотворений содержится в письме Пастернака Иванову, которое несколько раз переиздавалось), А. А. Ахматовой (по ее просьбе Иванов вписал в ее записную книжку свое стихотворение «Выпросил на небесах у Бога»), С. Я. Маршаку, Н. Н. Асееву, П. Г. Антокольскому, Б. А. Слуцкому, Д. С. Самойлову (с двумя последними Иванова связывала дружба; записи Самойлова об Иванове в его дневниках опубликованы). В конце 1970-х – начале 1980-х гг. Иванов читает стихи на своих авторских вечерах в Клубе Союза композиторов СССР и в секции перевода Ленинградского отделения Союза писателей СССР. Интерес к проблеме поэтического перевода, проявившийся в детские годы, перерос впоследствии у Иванова в интерес к проблеме перевода вообще и к проблеме передачи языковых значений в частности.

Стихи Иванова публиковались в разные годы в журналах «Звезда», «Континент», «Новый мир», а также в составе мемуаров и эссе; в 2005 г. в издательстве «Радуга» вышел отдельный сборник «Стихи разных лет». Однако значительная часть лирики и прозы пока им не напечатана.

Вячеслав Всеволодович Иванов – мастер стихотворного перевода; он преревождал с английского (Р. Херрик, В. Скотт, Дж. Байрон, Р. Киплинг, Дж. Джойс, Э. Паунд), французского (В. Гюго, Ж. Лакан), испанского (пьеса в стихах Лопе де Вега «Без тайны нет и любви», стихи Г.А. Бекера), латышского (Я. Райнис), польского (Ц. Норвид, Ю. Тувим), украинского (М. Бажан). Особый интерес представляют его переводы с хеттского («Песнь об Улликумми»),

тохарских А и Б языков и угаритского (угаритский эпос, вольный перевод которого, сделанный Ивановым, был подвергнут суровой критике И.Ш. Шифманом). Среди прозаических переводов, выполненных Ивановым, – переводы с хеттского и хаттского (летопись Хаттусилиса I, завещание Хаттусилиса I, автобиография Хаттусилиса III, ритуальные тексты), датского (С. Кьеркегор «Или – или»), английского (Х. Ульдалль «Глоссематика», Э. Хэмп «Словарь американской лингвистической терминологии»), немецкого (Б. Дельбрюк) и др.

Во время войны Вяч. Вс. Иванов был в эвакуации в Ташкенте (1941–1943 гг.). В 1946 г., после окончания средней школы, поступил на романо-германское отделение филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ). Его университетскими учителями были В. Д. Дувакин, Н. С. Поспелов, М. Н. Петерсон, А. И. Смирницкий, П. С. Кузнецов. Предметом исследования Иванова в студенческие годы стала синхронная грамматика современного английского языка, язык и образность русской поэзии (Хлебников, Державин, Ломоносов), английская (Дж. Китс) и французская поэзия (П. Валери), а также сравнительная грамматика индоевропейских языков, общая фонология, история отечественного языкознания. К этому времени относится начало дружбы Иванова с его тогдашним однокурсником, а впоследствии знаменитым филологом и будущим соавтором многих его работ – В. Н. Топоровым.

В 1951 г. Вяч. Вс. Иванов окончил МГУ и был оставлен в аспирантуре при кафедре общего и сравнительного языкознания. В 1955 г. им была защищена кандидатская диссертация на тему «Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры». Лингвистическая секция Ученого совета МГУ сочла диссертацию заслуживающей докторской степени, была проведена ее успешная вторая защита (оппонентами работы выступили А.В. Десницкая, А.А. Фрейман и В.В. Струве), однако ВАК под предлогом утери документации докторскую степень тогда не утвердила. В последующие годы новой защите чинились препятствия из-за участия Иванова в правозащитной деятельности. Лишь 20 апреля 1978 г. в Вильнюсском университете Иванову удалось защитить докторскую диссертацию, уже на другую тему – «Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в балтийско-славянском».

По окончании аспирантуры Иванов был оставлен при кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ, где преподавал древние языки, читал курсы по сравнительно-историческому языкознанию и введению в языкознание. За четыре неполных года работы в МГУ (сначала ассистентом, потом доцентом) им было воспитано много талантливых учеников, ставших впоследствии учеными с мировым именем¹.

В 1955–1958 гг. Вяч. Вс. Иванов был заместителем главного редактора журнала «Вопросы языкознания». В эти годы он начинает заниматься балтийским языкознанием, в частности природой латышского музыкального акцента. В 1993 г. за эти и другие исследования по балтийским языкам он был избран иностранным членом Латвийской АН.

В 1956–1958 гг. Вяч. Вс. Иванов (совместно с лингвистом П.С. Кузнецовым и математиком В.А. Успенским) руководил семинаром по применению

¹ В эти годы Иванов оказал влияние на профессиональное становление таких ученых, как В.В. Шеворошкин, В.А. Дыбо, И.А. Мельчук, Ю.К. Лекомцев, В.М. Иллич-Свитыч, А.А. Зализняк, Е.В. Падучева, А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов, Б.А. Успенский, М.М. Ланглебен.

математических методов в языкознании. Тем самым он фактически стоял у истоков возникшей в эти годы дисциплины – математической лингвистики.

В 1959 г. Иванов был уволен из МГУ за открыто выраженное несогласие с официальной оценкой романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»² и поддержку научных взглядов Р.О. Якобсона (это решение было официально отменено руководством МГУ лишь в 1989 г.). В течение нескольких лет он преподавал в 1-м МГПИИЯ им. М. Тореца, затем на Высших сценарных курсах при Госкино СССР (70–80-е годы); в 90-е годы читал курсы лекций в Литературном институте им. М. Горького, а также в Москве на собраниях книголюбов и в в университетах в других городах – Ленинграде, Киеве, Таллинне, Тарту, Вильнюсе, Риге, Тбилиси, Самарканде, Фрунзе, Алма-Ате. После 1987 г. по приглашению ездил с лекциями по разным городам Германии, Швеции, Италии, Швейцарии, Голландии, США, Канады, Бразилии, Кубы.

В 1991–2001 гг. Вяч. Вс. Иванов работал профессором Стэнфордского университета (США) на кафедре славянских языков и литератур, а с 1992 г. и до настоящего времени является профессором кафедры славистики и Программы Индоевропейских исследований Калифорнийского университета (Лос-Анджелес). С 1988 г. Иванов преподает в МГУ и в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) семиотику, культурологию, антропологию, сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков, а также тохарские языки, прусский язык и древние языки Малой Азии, в 1989–1994 гг. работает заведующим кафедрой теории и истории мировой культуры философского факультета МГУ, а в 1992 г. назначен директором Института теории и истории мировой культуры МГУ. В 2003 г. по инициативе Иванова в РГГУ был основан Институт «Русская антропологическая школа», директором которого он стал.

В 1959–1961 гг. Иванов заведовал группой машинного перевода Института точной механики и вычислительной техники АН СССР. В 1959 г. Иванов стал создателем и первым председателем лингвистической секции Научного совета АН СССР по кибернетике, руководимого академиком А. И. Бергом. Участие Иванова в подготовке проблемной записки «Вопросы советской науки. Общие вопросы кибернетики» под руководством А.И. Берга сыграло в истории отечественной науки существенную роль. На основе предложений, содержащихся в этой записке, Президиум АН СССР принял постановление от 6 мая 1960 г. «О развитии структурных и математических методов исследования языка». Благодаря этому были созданы многочисленные лаборатории машинного перевода, секторы структурной лингвистики и структурной типологии языков в академических институтах, отделения математической, структурной и прикладной лингвистики в нескольких вузах страны. Иванов участвовал в составлении учебных планов и программ отделения структурной и прикладной лингвистики (= «отделения теоретической и прикладной лингвистики») филологического факультета МГУ, а в 1961 г. выступил с пленарным докладом о математической лингвистике на Всесоюзном математическом съезде в Ленинграде.

Исключительно важную роль в развитии отечественной и мировой семиотики сыграл Симпозиум по структурному изучению знаковых систем, организованный Научным советом АН СССР по кибернетике совместно с Сектором структурной типологии славянских языков Института славяноведения

² Чтобы сегодняшний читатель мог по достоинству оценить смелость поведения Вячеслава Всеволодовича, добавлю от себя, что, насколько мне известно, он был в те годы, по-видимому, чуть ли не единственным в нашей стране, кто позволил себе в явном виде открыто высказать такое несогласие.

АН СССР (1962), возглавлявшимся тогда В. Н. Топоровым. Написанное Ивановым³ предисловие к опубликованным тезисам докладов симпозиума фактически стало манифестом семиотики как науки. В нем содержалось изложение широкой программы исследований знаковых систем, связывающих естественные коды с искусственными, вербальные языки – с невербальными системами жестовой коммуникации, средства обыденного общения – с ритуалом и мифом, художественной литературой и изобразительным искусством. Без преувеличения можно сказать, что симпозиум вместе с последовавшим за ним всплеском исследований произвели «семиотическую революцию» в сфере всего гуманитарного знания в нашей стране.

Иванов – пионер и ключевая фигура отечественного семиотического движения на всем протяжении его истории. Его работы о предмете семиотики заложили общую идейную основу центрального направления семиотических исследований в СССР, впоследствии (с середины 1970-х гг.) получившего наименование Московско-Тартуской семиотической школы⁴. Следует подчеркнуть определяющую роль Московского семиотического движения, фактически созданного Ивановым в 1959–1964 гг., в формировании этой школы. Порой скептиками высказывались сомнения в том, была ли у Школы своя концепция («теоретическая платформа»). Думается, что такая концепция все-таки существовала⁵, и создана она была в первую очередь благодаря работам Иванова (1961, 1962, 1965, 1967, 1968 гг.)⁶, содержащим последовательную теоретическую программу исследований широкого круга знаковых феноменов под единым семиотическим углом зрения.

Важнейшую роль в создании отечественной семиотики сыграл Сектор структурной типологии славянских языков Института славяноведения и балканистики АН СССР, которым Иванов руководил в 1963–1989 гг.⁷ Иванов был одним из создателей и членом редколлегии всемирно известной серии трудов «Труды по знаковым системам» (1962–1992) и одним из основных авторов этого издания. В 1992 г. он становится главным редактором международного журнала «Elementa. Journal of Slavic Linguistics and Comparative Cultural Semiotics» (выходил до 2000 г.).

Сектор структурной типологии славянских языков, руководимый Ивановым, развернул широкую программу структурных и семиотических исследований языка, литературы, мифологии. Большую роль в исследовании мифологии и

³ Предисловие было опубликовано без подписи; содержательно во многом перекликается с публикацией 1965 г. о роли семиотики в кибернетическом исследовании человека и коллектива.

⁴ Такое наименование школы объяснялось тем, что во второй половине 1960-х гг. семиотическая деятельность протекала не только в Москве, но и в Тарту (точнее, в Тарту и Кяэрику, где проходили летние семиотические школы): организационные и публикационные возможности, предоставленные Тартуским университетом благодаря кипучей энергии проф. Ю. М. Лотмана, оказались наиболее оптимальными для того времени; ведущая же роль «москвичей» проявилась как в «теоретическом» плане (имею в виду роль идей Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова в создании некоторой общей идейной основы исследований), так и в «кадровом составе» семиотического движения тех лет (преимущественно состоявшего из московских ученых).

⁵ Другое дело – что эта концепция была достаточно гибкой (то есть не носила слишком жёсткого, догматического характера). Но эта черта как раз составляла её сильную сторону, поскольку именно гибкость и недогматичность данной концепции позволяла объединить в единое целое кружок достаточно разных учёных с весьма широкими интересами, владевших широким кругом методов и применявших эти методы на достаточно широком материале.

⁶ Наряду с важными идеями, высказанными в работах Ю. М. Лотмана, А. М. Пятигорского (и, в некоторой степени также Ю. К. Лекомцева и И. И. Ревзина).

⁷ См. сборник избранных работ этого Сектора, ставших классическими: Из работ московского семиотического круга / Сост. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М.: ЯРК, 1997. 844 с.

фольклора сыграла экспедиция Института славяноведения АН СССР в Западную Сибирь для изучения языка и культуры кетов. Обобщающим справочником по мифологии стала энциклопедия «Мифы народов мира» (1982), в которой Иванов был одним из редакторов и главных авторов. В 1990 г. энциклопедия была удостоена Государственной премии СССР.

Одним из основных направлений исследований Иванова в 1960-е и 1970-е гг. по семиотике (интерес к которой возник, по-видимому, под влиянием Р. О. Якобсона⁸ и всей той русской традиции, начиная с А. А. Потебни и А. Н. Веселовского, которая была развита им и другими членами ОПОЯЗа) было выявление той роли, которую в древнейших текстах (мифах), в поэзии и, шире, во всей человеческой культуре играют двоичные (бинарные) противопоставления – такие, как *левое / правое, доброе / злое, четное / нечетное, свое / чужое, внутреннее / внешнее* и т. п.

В центре внимания работ Иванова в 1970-е гг. становится история семиотики, семиотика кино, эстетическая концепция С. М. Эйзенштейна; лекции на эту тему он читал слушателям Высших сценарных курсов и позднее во ВГИКе.

Во второй половине 1980-х гг. Иванов (занимавшийся в лаборатории А. Р. Лурия лингвистическими аспектами афазии еще с начала 1960-х гг.) уделяет особое внимание исследованиям по функциональной асимметрии полушарий головного мозга, одно из которых (левое, рационально-логическое) специализируется на переработке речевой информации, а другое (правое) заведует наглядно-образным восприятием мира. В экспериментах группы ленинградских нейропсихологов (руководимой Л. Я. Балоновым) он увидел выводы, ценные для понимания природы языка, мышления и искусства.

Многие работы Иванова (особенно начиная с 1990-х гг.) затрагивают общие проблемы антропологии и теории культуры. Контакты с биологами и физиками, не прекращавшиеся всю жизнь, наводят Иванова на размышления о еще более широком круге проблем, связанных уже не только с происхождением человека и языка, но также с происхождением жизни во Вселенной и с происхождением самой Вселенной; побуждают к постановке ряда увлекательных философских вопросов.

Уже в 1957 г., после того как им был сделан доклад на VIII Международном лингвистическом конгрессе в Осло, к Иванову приходит международная известность. Его избирают почетным членом Американского лингвистического общества (1968), членом Британской академии (1977), Американской академии наук и искусств (1993), Американского философского общества (1994) и др. В 1977 г. Иванов был принят в Союз писателей СССР, в 1987–1989 гг. возглавлял секцию перевода Московского отделения СП и Московское лингвистическое общество. Он является членом Русского Пен-Клуба (1991), членом редсоветов журналов «Иностранная литература», «Знамя», «Континент», «Киноведческие записки», председателем Буковского комитета по премии за русский роман (1993). Он избран также действительным членом Российской академии естественных наук (1990) и Российской академии наук (2000).

Высокий авторитет Вячеслава Всеволодовича как человека и гражданина проявился и в том, что в 1989 г. он был избран народным депутатом СССР (от коллектива научных сотрудников Академии наук) и осенью 1991 г. – депутатом Верховного Совета СССР последнего созыва (от России). Неравнодушные Иванова к нелегким перипетиям межнациональных отношений в нашей стране

⁸ Вообще, Р. О. Якобсон с его осознанием единства методов всех наук, занимающихся знаками и текстами, оказал наибольшее влияние на научное мировоззрение Иванова.

сказалось и в годы перестройки, когда он участвовал в разработке законопроекта о языках. Забота Иванова о сохранении и приумножении культурного наследия в нашей стране проявилась особенно зримо в годы его деятельности на посту директора Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино (где он проработал с 1989 по 1993 г.).

Иванов – уникальный пример ученого-энциклопедиста. Трудно назвать такую гуманитарную науку, в которую он бы не внес тот или иной вклад. Он автор более 15 книг и более 1200 статей по лингвистике, литературоведению и ряду смежных гуманитарных дисциплин, многие из которых переведены на западные и восточные языки.

Лингвистические интересы Иванова чрезвычайно разнообразны. Это и общие проблемы генеалогической классификации языков мира, и индоевропеистика (анатолийские языки [хеттский, лувийский] в связи с древнейшей историей и археологией Малой Азии, тохарские языки, санскрит, балтийские и другие языки), и славянское языкознание (праславянский язык, структурная типология славянских языков), а также и другие языки: древние языки вымерших народов Средиземноморья (этрусский, хаттский, хурритский) в их отношении к северокавказским языкам и языки аборигенов Сибири (кетский язык) и Дальнего Востока (айнский язык), алеутский язык, бамилеке и некоторые другие языки Африки..

Благодаря трудам Вяч. Вс. Иванова середины 1950-х гг. в нашей стране была фактически возрождена индоевропеистика и создана отечественная хеттология, начато изучение тохарских языков. Глубокие исследования ученого посвящены структуре индоевропейского глагола. Предположение о наличии двух серий глагольных форм (в ностратической предыстории скорее всего субъектной и объектной) связывается с другими грамматическими характеристиками раннеиндоевропейского языка (такими, как противопоставление абсолютива эргативу).

Фундаментальным вкладом в изучение славянской и отчасти балто-славянской духовной культуры явились реконструкции фрагментов текстов (мифологического жанра), проведенные совместно с В.Н. Топоровым в 1960-е гг. и изложенные в их публикациях тех лет.

Своеобразным компендиумом достижений современной индоевропеистики – не только в сфере структуры языка, но и в изучении материальной и духовной культуры праиндоевропейцев, путей их миграции и культурных контактов с другими народами – стала монография «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры», созданная совместно с Т.В. Гамкрелидзе (1984, англ. пер. 1995). Эта книга в 1988 г. была удостоена Ленинской премии и вызвала большой резонанс во всем мире. В работах по реконструкции индоевропейского праязыка Иванов особое внимание обращает на общетипологические закономерности. В частности, к ним относится вызвавшая оживлённую дискуссию глоттальная теория, предполагающая интерпретацию фонем, традиционно рассматриваемых как звонкие, в качестве глоттализированных (абруптивных смычногортанных).

Иванов занимался также вопросами соотношения между разными диалектами индоевропейского праязыка. Он настаивает на наличии двух ветвей анатолийских языков – северной или восточной (хеттский, палайский) и южной или западной (лувийские языки и ряд недавно реконструированных языков – таких, как, напр., карийский). Он первым начал исследование исчезновения некоторых индоевропейских велярных согласных в лувийском.

В ряде специальных статей он доказывает родство хаттского языка (древнего священного языка Хеттского царства, пережиточно сохранявшегося в ритуалах) с северокавказскими и показывает, что с точки зрения родственных форм северокавказских языков хаттский миф о Луне, упавшей с неба, можно истолковать как рассказ о лунном затмении. Он также исследовал отдельные вопросы сравнительно-исторической фонетики хурритского языка, исходя из его родства с северокавказскими, ранее установленного И. М. Дьяконовым и С. А. Старостиным. В работе о северокавказских параллелях к этрусскому языку, написанной почти одновременно со статьей С. А. Старостина и В. Э. Орла на эту тему, получены, независимо от них, выводы, в основном совпадающие с их выводами.

Семиотические интересы Иванова охватывают семиотику литературных текстов, фильма и других искусств, нейросемиотику (изучающую связь знаковых систем с функционированием мозга), реконструкцию антропогенеза.

Круг литературоведческих, лингвистических, семиотических, культурологических, антропологических и философских проблем, изученных Вяч. Вс. Ивановым, поражает своей широтой и вместе с тем – внутренним смысловым единством. Его труды никоим образом не выглядят как разрозненное множество этюдов на всевозможные темы – за ними просматривается глубокая, прочная идейная связь, очевидная для любого внимательного читателя.

Немало работ Вячеслава Всеволодовича посвящено фундаментальным проблемам общего языкознания: междисциплинарным связям лингвистики, ее методологическим основам, внутренней связи и аналогиям между ее разделами, происхождению языка, соотношению синхронической типологии с диахронической, связям типологии со сравнительно-историческим методом, теории перевода, нейролингвистике.

Лингвистические интересы Иванова охватывают и внутреннюю лингвистику (уровни и единицы языка, лексическую и грамматическую семантику, структуру текста), и внешнюю лингвистику (исторические и социальные условия существования языка, аффективный и поэтический язык), и общие вопросы методологии лингвистических исследований.

Среди внутрилингвистических проблем структуры языка, относящихся к членению речевого потока и соотношению единиц разных уровней, Иванов обратил особое внимание на характер и членимость основных элементов каждого уровня.

Принцип линейности при реализации фонем в речи постоянно нарушается в силу параллельной артикуляции звуков. Следствием этого являются некоторые универсальные типологические закономерности исторических переходов одних фонем в другие, сплавления фонемосочетаний в единую фонему, а также взаимосвязи сегментных единиц с просодическими, реализуемыми на слоге (тон) или на целом слове (ударение). Иванову удалось продемонстрировать исторические связи между такими “фонационными” признаками согласных, как гортанная смычка (глоттализация), и такими проявлениями слоговой просодики, как “высокий тон” и “восходящий тон”. Есть серьезные основания предполагать, что на некотором скрытом (психофонетическом) уровне функционирования языка основной фонологической единицей является не фонема, а слог, тогда как линейная реализация (расположение) артикуляционных признаков внутри слога оказывается в значительной степени вторичным феноменом. Эта гипотеза позволяет объяснить сходство между фонологической структурой слова в

языках со слоговым и словесным сингармонизмом, а также между устройством разных типов силлабических систем письма.

В области морфемики особенное внимание Иванова привлекли такие случаи, когда членение словоформ на минимальные двусторонние единицы оказывается непредельным в том смысле, что формально-семантической выделяемостью характеризуется лишь один из выделяемых при таком членении отрезков (так называемый “субморф” в яacobсоновском смысле этого термина). Выделение таких отрезков оказывается полезным при реконструкции падежных показателей в ностратических и евразийских языках, а также показателей лица и времени в системе спряжения индоевропейского глагола.

Одной из “экзотических” сфер грамматики, лежащей в зоне пересечения морфологии и синтаксиса, в разработку которой Иванов внес свой оригинальный вклад, стала аббревиация в ее историческом, типологическом и функциональном аспектах. Он показал, что аббревиация (распространившаяся в естественных языках в особенности за последние два столетия) отражает лишь частично тенденцию к изнашиванию и сокращению часто употребляемых языковых знаков. Указанная тенденция, помимо аббревиатур, проявляется в феномене инкорпорации (которая проявляется в грамматическом строе достаточно разных языков мира), что позволяет объяснить ряд сходств между инкорпорацией и аббревиацией.

С другой стороны, в сфере синтаксиса изучение окказиональных проявлений тенденции к словосложению (например, в поэтических неологизмах, в языке англоязычной прессы и т. п.) позволило понять те механизмы, по которым из этих фактов индивидуальной речи формируются правила, входящие в языковую систему. Изучение феноменов словосложения и инкорпорации оказалось поучительной областью для выявления наиболее общих закономерностей, лежащих в основе глубокого параллелизма между структурой слова и структурой предложения. Анализ роли слова в грамматической структуре предложения (в частности, в полисинтетических и инкорпорирующих языках) позволил Иванову выдвинуть и обосновать ряд гипотез о расположении клитик (грамматических частиц) в структуре праиндоевропейского предложения, в частности о том, что в праиндоевропейском (так же, как в одной из самых “архаичных” его ветвей – анатолийской группе языков) были распространены такие структуры, в которых комплекс грамматических показателей (клитик) располагался в начальной позиции предложения, перед именной и глагольной группами. Следы индоевропейских синтаксических сочетаний с энклитиками обнаруживаются в морфологических глагольных комплексах в балтийских, тохарских и других группах.

В сфере теории частей речи внимание Иванова привлекла специфика грамматического строя тех языков, где границы между знаменательными частями речи наиболее сильно сдвинуты, по сравнению с привычным для нас строем европейских языков: в частности, индейских языков бассейна реки Амазонки (в которых более 80% словоформ текста произведены от глагольных корней), полисинтетических языков типа ирокезских (где имя часто появляется в предложении лишь в виде той усеченной формы, которая вставляется в инкорпоративный комплекс, создаваемый глаголом) или языков типа юкагирского, в которых качественные (характерные для привычных нам прилагательных) и количественные значения (характерные для привычных нам числительных) выражаются глаголами.

Идеи Иванова 1956-1958 гг. (возможность применения в лингвистике методов кибернетики и математической теории информации; «язык-посредник» как общая логическая основа описания языков, связывающая их при машинном моделировании процесса перевода; «дифференциальные семантические признаки», или «семантические множители» как главное средство такого описания) сыграли стимулирующую роль в возникновении целого ряда направлений отечественной теоретической семантики 1960–1970-х гг. Занятия Иванова проблемами теоретической семантики, оказавшие глубокое влияние на отечественную лингвистику начала 1960-х гг.⁹, первоначально были вдохновлены идеей построения системы семантических соответствий между языками; с этой мыслью были связаны дальнейшие исследования Иванова (1960-х – 1980-х гг.) по семантической типологии и поиску универсалий в семантической сфере.

В экспериментах 1970–1980-х гг., проводившихся в контакте с нейрофизиологами, Иванов стремился выявить локализацию семантических операций в различных участках мозга. Так, было установлено, что универсальная квантификация, отождествление, отнесение к семантическому полю, употребление бинарных классифицирующих эпитетов связано с мозгом в целом; употребление конкретных терминов – с правым полушарием; задание логических определений – с левым полушарием; комбинаторная семантика, приблизительная синонимия, конструкция неграмматического характера – с височными зонами, синтагматико-семантические связи, разрешение омонимии, поэтические ассоциации – с лобными зонами; употребление эгоцентрических слов-шифтеров, бытийных и связочных глаголов, квантификаторов, включая числительные, связывание слов внутри семантического поля – с левым полушарием и правой лобной долей; употребление и понимание пространственных уточнителей, глаголов с предложным управлением, градуальных семантических противопоставлений, словарных трансформаций – с левым полушарием и правой височной долей; употребление клише, существительных без эпитета, отрицательных трансформаций) – с правым полушарием и левой височной долей. Другим направлением семантических исследований Иванова стал сравнительный смысловой анализ ключевых понятий материальной и духовной жизни социума, обнаруживающих антропологические сходства между понятийными системами, относящимися к некоторому одному культурному ареалу (например, шаманистическому, буддийскому, христианскому) (здесь Иванов развивает идеи исторической семантики в понимании Л. Шпитцера).

Большое место в работах Иванова занимает изучение закономерностей грамматикализации лексем. Так, в ряде работ им изучено превращение названий частей тела в имена отвлеченной релятивной семантики и эволюция последних в предлоги или послелого, за которой следует превращение предлогов в глагольные или адвербиальные префиксы, а послелогов – в падежные окончания; в других работах – превращение числительного “два” в грамматический показатель двойственного числа; и т.п. Важной задачей семантических исследований Иванова является выявление границ универсального набора смысловых единиц, которые могут быть выражены грамматическими средствами хотя бы в одном из языков мира.

⁹ В особенности это касается лингвистических концепций Ю. С. Мартемьянова, И. И. Ревзина, Е. В. Падучевой, И. А. Мельчука, Г. С. Цейгина.

Весомый вклад внес Иванов в теорию текста (дискурса), то есть в тот раздел лингвистики, который изучает семантику и структуру речевых отрезков, превосходящих отдельное предложение. К этой сфере относятся его труды, посвященные роли шифтеров (эгоцентрических элементов) в тексте, категориям определенности – неопределенности (в частности, в русском языке), лингвистическому аспекту семантики возможных миров. Давним предметом его внимания являются также «малые» формы фольклора, изучаемые паремиологией (такие, как загадка или анекдот), поскольку они представляют собой жанры текстов, запоминаемых наизусть, и интересны именно этим: ведь самый феномен воспроизводимости подобных отрезков (несмотря на их относительную протяженность, хотя бы по сравнению с предложениями) демонстрирует богатый потенциал человеческой способности к запоминанию и воспроизведению по памяти.

Из тем «внешней» лингвистики, привлечших внимание Иванова, стоит упомянуть социолингвистическую проблематику языковой ситуации – в современном мире и в конкретных многоязычных социумах, например в Великом княжестве Литовском (XIV–XVII вв.) или в современном Лос-Анджелесе (США, штат Калифорния) и в других больших городах на всем протяжении их истории, а также психолингвистическую (онтолингвистическую) проблематику (изменения в языке индивида, обусловленные его возрастными характеристиками). Им специально исследованы вероятные причины исчезновения числительных в языках Амазонии.

Большое внимание уделено Ивановым изучению общих проблем методологии лингвистических исследований. Главная его общелингвистическая идея – трактовка лингвистики как науки об отношениях между языковыми системами. Отсюда вытекает глубокая методологическая аналогия между несколькими разными лингвистическими дисциплинами: сравнивая два объекта, ученый мысленно восстанавливает (реконструирует, то есть конструирует, но не на «пустом месте», а на основе выявления сходств и различий сравниваемых объектов) тот третий, или $(n+1)$ -й, объект (*tertium comparationis*), который мог бы послужить общей исходной точкой для объяснения сходств и различий двух или более (n в общем случае) сравниваемых объектов и из которого эти объекты могут быть выведены применением некоторого ограниченного инвентаря правил вывода. В компаративистике роль *tertium comparationis* выполняет реконструируемый «праязык», в типологии это некоторый «язык-эталон» (модель человеческого Языка вообще), а в теории перевода (в частности, «машинного» перевода) – некоторый «язык-посредник» для перевода (который в идеале одновременно мог бы приблизиться к «языку мыслей», способных быть переведенными на любые языки мира); такой язык может служить для записи информации в определенной ограниченной области знаний (информационный язык). Характер и способы аргументации в лингвистических дискуссиях прошлого и настоящего во многом могут быть объяснены именно этой исследовательской ситуацией реконструкции «общего» по его проявлениям в «отдельном».

Особо пристально Иванов рассматривает методологические основы такого важного способа лингвистического исследования, как реконструкция, в частности внутреннюю реконструкцию, реконструкцию на основании сравнения заимствований, распространение приема реконструкции на сферу мифопоэтических формул и фрагментов текстов (главным образом – стихотворных текстов). Вслед за А. И. Смирницким Иванов усматривает

определенную нетривиальную аналогию между деятельностью компаративиста и деятельностью детектива (то есть криминалиста, пытающегося раскрыть некоторый фрагмент действительности, не данный в прямом наблюдении) и в других проявлениях логической абдукции.

В течение более чем полувека (начиная с 1954 г., когда еще не была разработана «ностратическая» гипотеза) Иванов систематически подводит итоги современного состояния лингвистической компаративистики в форме обновленного варианта генеалогической классификации языков мира (так, начиная с 1970-х годов, в эту схему включается родство ностратического уровня, а с 1980-х – родство «дене-кавказское»). И каждый раз оказывается, что мы находимся все ближе и ближе к постепенному будущему доказательству гипотезы о моногенезе языков человечества (т. е. о происхождении их из единого источника), поскольку обнаруживаются всё новые и новые связи между языковыми семьями.

Из проблем аффективного и поэтического языка внимание Иванова наиболее привлекают: семантика уменьшительности и проявление иконизма при ее фонетическом выражении; экспрессивные возможности парных слов с повторами на начальный губной носовой согласный (образующими внутреннюю рифмовку); синэстетические связи звучания и цвета (например, в творчестве В. Хлебникова, А. Рембо и А. Н. Скрябина); применение теории информации и теории сложности к стихотворному языку (с опорой на идеи А. Н. Колмогорова), а также связанные с этой проблематикой перспективы взаимосвязей наук.

В своих построениях методологического характера Иванов показал, что в этой сфере особенно плодотворными могут оказаться поиск и выработка идей, объединяющих лингвистику с другими науками. К таким идеям относятся, например, идея инварианта и варианта; вероятности; симметрии, системности и структурности; принцип красоты (как самого предмета исследования, так и способа наиболее адекватного описания этого предмета); антропный (субъективный) принцип исследования (предполагающий учет позиции наблюдателя, наличие у наблюдателя средств сообщения о наблюдаемом и умение такие средства вырабатывать); наличие закономерных повторов в развитии («волн» или циклов), дающее основания и для выявления в синхронном состоянии объекта архаических черт, унаследованных от прошлого (в том числе весьма отдаленного), и для прогнозирования будущих изменений объекта, и для выявления универсальных принципов организации структуры объекта, сохраняющихся при его преобразовании и при проектировании новых искусственных объектов.

В лице Вячеслава Всеволодовича Иванова глубокое знание всей предшествующей научной традиции естественно сочетается с поисками новых путей и методов исследований; ему свойственно редкостное умение увидеть переключки идей сквозь века, связи между пионерскими и провидческими открытиями ученых древности (Панини), эпохи Просвещения (И. Ньютон, Г. В. Лейбниц), Нового времени (В. фон Гумбольдт, Ф. Бопп, О. Н. Бетлингк, И. Вениаминов, Я. Нецветов, А. А. Потебня, А. Н. Веселовский, Ч. С. Пирс, Г. Габеленц, Г. Шухардт, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Г. Пауль, Г. Фреге, Ф. де Соссюр, В. А. Богородицкий) и Новейшего времени (О. Есперсен, Ш. Балли, Л. В. Щерба, А. Мейе, Р. Карнап, Ж. Вандриес, Н. С. Трубецкой, П. А. Флоренский, Андрей Белый, Л. Шпитцер, Е. Д. Поливанов, Э. Сепир, Г. Рейхенбах, С. М. Эйзенштейн), включая старших современников и собеседников самого Иванова (Я. М. Эндзелин, М. М. Бахтин, М. Н. Петерсон, Е. Курилович,

Э. Бенвенист, Л. Ельмслев, Р. О. Якобсон, А. Н. Колмогоров) и представителей той же научной генерации, что и сам Иванов (В. Н. Топоров, И. А. Мельчук, А. Вежбицкая, Н. Хомский, И. Бар-Хиллел, Ч. Филлмор).

В современном состоянии лингвистики зоркий взгляд Иванова всегда стремится выделить именно те ростки, которым суждено развиваться в будущем. Иванов был одним из первых и одним из немногих, кто сразу же по достоинству оценил работы Ю. С. Мартемьянова, В. А. Дыбо, А. А. Зализняка, В. М. Иллич-Свитыча, С. А. Старостина.

Вяч. Вс. Иванов – автор множества трудов по фольклору, мифологии и этнографии славян и других народов, говорящих на индоевропейских языках, а также кетов и других народов Азиатской России. Ему (совместно с В. Н. Топоровым) принадлежит один из самых смелых и рискованных экспериментов в сфере лингвистической палеонтологии – попытка на основе анализа фольклорных текстов реконструировать мифопоэтические тексты на языках не просто мертвых, но даже незафиксированных на письме – праславянском (!) и прабалтийском (!). В специальной монографии (изданной в Италии на английском языке в 1978 г.) и серии статей вслед за К. Леви-Стросом Иванов в качестве одного из древнейших преданий человечества восстанавливает миф о разорителе орлиных гнезд, объединяющий мифологии Старого и Нового Света и отраженный в самой древней литературе мира – шумерской (в поэме о Лугальбанде). Связь фольклора и литературы исследуется Ивановым и на материале других мифов (происхождение сюжетов ирландских саг о Кухулине, мифы о чудовищном волке, лисе и медведе в Евразии).

Иванов развивает идеи и методы сравнительного и архетипического литературоведения, исследуя на материале разных западных и восточных традиций – от наиболее ранних и архаичных до современных – развитие одного и того же жанра (например, прений – от шумерских и аккадских пространственных поэм-диспутов между вещами до «Золота и Булата» Пушкина и «Спора» Лермонтова), типа образов (скажем, загадок-кеннингов, начиная от Гесиода), категорий (время в литературе и искусстве XX в. в сопоставлении с его наукой). Как главный предмет науки о литературе Иванов рассматривает отношения между текстами в культурно-историческом контексте. В развитие идей А. Мейе и Р. О. Якобсона и их продолжателей Иванов работает над реконструкцией формальных черт индоевропейского стиха и его отражений в славянской, армянской, хеттской, лувийской поэтических традициях. Он ставит вопрос о возможности восстановления по косвенным данным исчезнувшей литературы (этрусской, финикийской).

Среди тем литературоведческих работ Иванова – структурно-семиотический подход к литературе, метрика, поэтика, стихотворный перевод. В 1959–1961 гг. он участвует в работе руководимой академиком А. Н. Колмогоровым группы по применению статистических и теоретико-информационных методов к стиху и поэтическому языку, выступает с соответствующими докладами на конференции в г. Горьком, IV Всесоюзном математическом съезде (1961).

Материал, используемый в работах Иванова как литературоведа, весьма широк: это клинописная ассиро-вавилонская и хурритская поэзия, хеттская литература, древнеиндийские сборники сказок («Панчатантра», которую он читал под руководством М. Н. Петерсона еще во время учебы в университете), ритуальные гимны, переведенные с санскрита тохарские пьесы и стихи, английская метафизическая поэзия и лирика Китса (ими Иванов начал заниматься в студенческие годы), латышская («Лачплесис» А. Пумпурса, поэмы

И. Зиедониса), польская поэзия (лирика Ц. Норвида), украинская поэзия авангарда XX в. (М. Семенко), румынская проза (новелла М. Элиаде «У цыганок» и его роман), латиноамериканская проза (роман В. Льюиса «Война окончена»), роман итальянского писателя У. Эко «Имя розы» и, наконец, дневник Анны Франк.

Ряд работ Иванова посвящен русской классической литературе. Среди изученных им тем статьи П.Я. Чаадаева, фольклорные параллели к повести Гоголя «Вий», внутренняя форма имени *Смердяков* у Достоевского, идеолого-политические тенденции в художественной прозе К.Н. Леонтьева (как в ней выражаются идеи византизма в полемике с европейским неогуманизмом).

В первую очередь, предметом внимания Иванова является русская поэзия. Им были изучены: ритмика оды Ломоносова 1747 г. (продолжение первой студенческой работы 1947 года, выполненной в семинаре В.Д. Дувакина); поэтика Державина в аспекте ее влияния на поэтов XX в. и типологических сходств с ними (тропы, ритмика, рифмы); влияние строк П. Вяземского на стихи И. Анненского и многие интересные аспекты творчества Пушкина, среди которых – образы бесов и ангелов в лирике, композиционное сходство лирических стихотворений «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» и «Из Пиндемонти», роль церковнославянизмов и древнерусских элементов в «Памятнике», скрытое цитирование (цитаты из древнерусской летописи «Повесть временных лет» в послании «К Чаадаеву», ассоциации из римских поэтов в стихотворении «Клеопатра», переиначенное классическое изречение «Для мудреца целый мир – отечество»).

Главное внимание Иванов уделяет русской литературе XX в. Его занимает соотношение поэтических манифестов и художественной практики таких представителей русского литературного авангарда, как предсимволисты, символисты, постсимволисты, в частности акмеисты и футуристы, обэриуты, «Серрапионовы братья» (Вс. Иванов, Л. Лунц и др.); параллели и связи между писателями, оставшимися в России, и писателями русской диаспоры (исток поэтики Б. Поплавского, влияние В. Набокова на М. Булгакова и проч.). Специальные работы посвящены жанру исторического романа у советских писателей сталинского периода, историческим параллелям сюжетов и прототипам персонажей («Сумасшедший корабль» О. Форш, проза Ю. Тынянова, «Москва» А. Белого). Иванов анализирует характер интерпретации романа К. Чапека «Война с саламандрами» в особой статье А. Платонова (в связи с приемами метода «фантастического реализма», которые обнаруживаются у Платонова и Булгакова; эти приемы Иванов признает главным течением в русской литературе XX века).

Особый интерес Иванова вызывает биография Максима Горького, которого в детстве он не раз видел (опубликовано письмо Горького к Иванову и его брату, будущему художнику, с оценкой рисунков этих детей). В своих исторических эссе Иванов стремится понять историю отношений между писателями и властями в советский период (неофициальная литература сталинской эпохи; последние годы жизни М. Горького и обстоятельства его смерти; роль А. Фадеева в деятельности Союза советских писателей; комментирование мемуаров художницы Валентины Ходасевич; Сталин и Эйзенштейн и др.).

Основные усилия Иванова сосредоточены на изучении русской поэзии первой половины XX века, главным образом поэзии Серебряного века. Ученый анализирует творчество И. Анненского, А. Белого, А. Блока («Шаги командора», стихи об Италии, восприятие Стриндберга Блоком), М. Кузмина, М. Волошина, Н. Гу-

милева (в том числе африканские мотивы в лирике), А. Ахматовой («Поэма без героя», лирика), Б. Пастернака (монографическое исследование стихотворения «Бабочка-буря», статьи о стихотворениях «Памяти Демона», «Венеция», «Марбург», «Рождественская Звезда», о книге «Сестра моя жизнь» и др.), О. Мандельштама (связь мотивов книги стихов «Камень» с теоретическими положениями статьи «Утро акмеизма», образ “черного солнца” как расиновская аллюзия в ранней лирике, дантовские аллюзии в «Новеллино», анаграммы в поздней лирике, «Стихи о неизвестном солдате», фрагментарность как метод построения в прозе), М. Цветаевой (ритмика «Поэмы Конца», истоки образной системы «Поэмы Воздуха»), В. Маяковского (ритмика поэмы «Человек»), Б. Лившица (книга воспоминаний «Полутораглазый стрелец»). Иванов изучает структуру текстов В. Хлебникова (стихотворения «Меня проносят на слоновых», повесть «Ка», заумные и звуко-символические элементы, концепция пространства, времени и чисел в хлебниковской картине мира).

Серию статей Иванов посвятил таким мастерам стихотворного перевода, как М. Цветаева (стихотворные переводы поэтессы на русский язык и ее переводы стихов Пушкина с русского на французский язык), В. Шилейко (переводчик ассиро-вавилонской поэзии), В. Ходасевич (переводы Бодлера).

В ряде работ Иванов анализирует произведения русских поэтов второй половины XX в. – А. Межирова («Баллада о цирке» с ее ритмикой), С. Липкина, И. Бродского (метафизическая поэзия, переводы из Дж. Донна), О. Седаковой. Из прозаиков этого времени он выделяет Ф. Горенштейна (роман «Псалом»), А. Битова («Жизнь без нас»), В. Шаламова. Специальное эссе посвящено судьбе романа как жанра русской литературы конца XX в.

Иванов неумолимо трудится над историографией гуманитарных наук – семиотики, лингвистики, поэтики, литературоведения, фольклористики, мифологии, эстетики, киноведения. Ему принадлежат очерки жизни и творчества таких классиков семиотики, лингвистики и этнографии, как Б. Дельбрюк, Ф. де Соссюр, Р. О. Якобсон, Ю. Р. Курилович, Э. Бенвенист, К. Станг, Я. М. Эндзелин, К. Леви-Строс, А. Моль, Ж. Дюмезиль, А. Хокарт. Им проделана гигантская работа по изучению теоретического наследия С. М. Эйзенштейна (как теоретика эстетики и предшественника современной семиотики), главным образом на основе архивных материалов.

Много времени Иванов посвящает изучению наследия отечественных ученых-гуманитариев А. Н. Афанасьева, А. А. Потебни, А. Н. Веселовского, Ф. И. Щербатского, П. А. Флоренского, М. Н. Петерсона, Н. С. Гумилева, И. А. Соколянского, Н. С. Трубецкого, О. М. Фрейденберг, В. К. Шилейко, Е. Д. Поливанова, Н. И. Конрада, Н. А. Невского, М. М. Бахтина (и ученых его круга), Л. С. Выготского (в 1965 г. Иванов впервые издал, снабдив своими комментариями, его «Психологию искусства»), Г. О. Винокура, И. Д. Амузина, Е. Г. Эткинда, И. М. Дьяконова, этнографов А. М. Золотарева и Ю. В. Кнорозова. Он также пишет о своих коллегах – В. Н. Топорове, М. Л. Гаспарове, А. А. Зализняке и др.

Особенно подробно Иванов освещает деятельность тех направлений, в центре которых стояла фигура Р. О. Якобсона, – Московского лингвистического кружка, ОПОЯЗа, ЛЕФа, Пражского лингвистического кружка, Гарвардской школы.

Отдельные очерки посвящены ученым-негуманитариям с широкими междисциплинарными интересами, деятельность которых поучительна и для

гуманитариев: геологу В. И. Вернадскому, радиоинженеру А. И. Бергу, астрофизику И. С. Шкловскому, кибернетику М. Л. Цетлину.

Особый интерес для изучения истории русской литературы и культуры советского периода представляют воспоминания Иванова о писателях (Вс. Иванов, А. Ахматова, Б. Пастернак, которому посвящена напечатанная фрагментами мемуарная книга «Перевернутое небо», К. Чуковский, М. Зощенко, К. Федин, К. Богатырев, Д. Самойлов, В. Берестов), о филологах (Ю. М. Лотман, И. И. Ревзин, Ю. К. Лекомцев, Л.З. Копелев), о музыкантах (Г. Нейгауз, С. Рихтер), артистах (З. Гердт), режиссерах (А. Тарковский), физиках (М. Л. Левин, А. Д. Сахаров, П. Л. Капица), математиках (А. Н. Колмогорове). В своих мемуарах Иванов пишет также о писателях латышских (М. Кемпе), украинских (М. Бажан), армянских (П. Севак), французских (Л. Арагон, Н. Саррот). Журнальный вариант книги мемуаров Иванова «Голубой зверь» получил в 1995 году премию напечатавшего его журнала «Звезда».

Научная, литературная и организационная деятельность Вячеслава Всеволодовича Иванова играет фундаментальную роль в установлении культурных контактов между прошлым и настоящим, между Западом и Востоком, между науками о природе и науками о человеке, между науками об отдельном человеке и науками об обществе в целом, между наукой о современном состоянии человечества и наукой о его генезисе и эволюции. Русских ученых он знакомит с достижениями зарубежных, а зарубежных – с достижениями русских; обращает внимание старших коллег на труды молодых ученых и внимание младших – на труды их предшественников; рассказывает естественникам о гуманитариях и гуманитариям – о достижениях естественников; писателям – об ученых и ученым – о писателях. И длится эта благородная «культуртрегерская» деятельность уже более полувека. В наше беспокойное время всеобщего разделения и вражды эта интегрирующая функция, вновь и вновь воссоздающая ощущение глубинного единства человеческого знания, глубинного единства человеческой культуры, глубинное единство человека, природы и общества, спрятанное за внешне наблюдаемым разнообразием, имеет неоценимое значение для всех нас.

С. А. Крылов